

Капризы и странности судьбы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?

Читайте романы Олега Роя:

■

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного kota
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Фамильные ценности
Двойная жизнь
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Диалогия «Белый квадрат»
Цветок сакуры
Захват судьбы

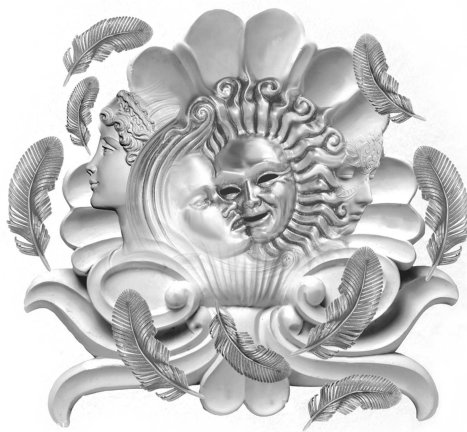
Страх
И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека

Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя
МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользкий странник

Сборник рассказов О. Роя и участников конкурса «Страсти по Олегу Роя»

ОЛЕГ
РОЙ

Муж, жена, любовница

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.

Р65 Муж, жена, любовница : роман / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с. — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-04-182866-0

Маскарад в королевском замке Амбуаз на берегу Луары, устроенный для туристов из разных стран, был в самом разгаре, когда к Юлии Земцовой подошел официант и протянул плотный белый конверт. Она подумала, что это очередная просьба сфотографироваться с ней, королевой бала, на память. Если бы знала Юлия, что содержит этот конверт, никогда не открывала бы! Содержимое его круто изменило жизнь, заставило судьбу течь совершенно по другому руслу...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182866-0

© Резепкин О., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Тот, кто был богат, стал беден.
Кто был беден, стал богат.
Брат за океан уедет —
Завтра будет новый брат.

Евгений Сабуров

Глава 1

Квартира, которую она так долго искала, оказалась на краю города, где-то за станцией метро «Войковская», в обычном панельном доме. С торца длинной многоэтажки был пристроен отдельный вход с симпатичным новым козырьком, и, когда женщина, уже под вечер, наконец увидела его, он показался ей долгожданным, желанным пристанищем. Холодный и резкий, даже для середины ноября, ветер гнал по московским улицам снежную крупу; его порывы хлестали ее по лицу, секли ледяной крошкой, и она на минуту вдруг забыла, что делает здесь совершенно одна, в этом неуютном месте, под хмурыми небесами холодного, чужого ей теперь города... Прерывисто вздохнув и совладав наконец со своими чувствами, загнав боль и страх в глубину души, Юлия осторожно поднялась по скользким белым ступенькам и позвонила.

Сюда, к дому, у которого она теперь стояла, ее привело только упрямство, присущее ей от природы. Еще недавно вполне уверенная в себе, эта хрупкая симпатичная тридцативосьмилетняя блондинка, своим всегдашним благополучием неизменно

вызывавшая скрытое раздражение у друзей, теперь ощущала себя словно замороженной — будто все ее чувства находились под анестезией, за которой последует операция, на счастливый исход которой не оставалось надежды. В этот вечер — как, впрочем, и во все предыдущие мрачные вечера этого периода ее жизни — Юлии было все равно, куда идти и с кем разговаривать. Она разыскала это место точно на автопилоте, по старой привычке, свойственной ее характеру, — что-то делать, куда-то стремиться, надеяться в любой ситуации и действовать, действовать, действовать... И тогда — кто знает? — вдруг ей повезет? Повезет, как той лягушке, попавшей в кувшин со сливками. Если шевелить лапками быстро-быстро, то из сливок сообразится масло, а это уже что-то твердое — это опора. На этом можно стоять. Бог знает, сработает ли в ее случае эта древняя притча, с которой она мысленно живет вот уже полгода, или спасения нет и мир ее катится в тартарары. Но все равно она будет пытаться...

Юлия вздрогнула, услышав ворвавшийся в ее невеселые мысли мелодичный звонок. Он свидетельствовал о том, что ее услышали и ей открыли — она увидела большое помещение без прихожей, на пороге которого стояла высокая молодая женщина с приветливым лицом. «Таковыми раньше были пионервожатые», — пронеслось у Юлии в голове, и, стряхнув оцепенение, она смело шагнула вперед.

Внутри пахло свежим ремонтом. По левой стене располагались вешалки, середину комнаты занимали кресла, а у окна стоял большой стол. Помещение напоминало небольшую учебную аудиторию. Это и был тот самый Клуб, куда пригнали ее отчаяние и

одинокое. Клуб московской общественной организации совершенно особого, пугающего рода — клуб ВИЧ-инфицированных.

Юлия оставила шубку на вешалке и, незаметно скользнув к дальней стене, села в последнем ряду. Надо было оглядеться, освоиться в незнакомой атмосфере. В комнате уже сидели какие-то люди — в основном молодежь — в свитерах и джинсах; у стены грудой лежали рюкзаки. Юная пара что-то оживленно обсуждала между собой; лица у юноши и девушки были бледные, болезненные, но, как ни странно, веселые. Дама, похожая на администратора клуба средней руки, рассказывала седому очкарику какие-то захватывающие сплетни про Министерство здравоохранения, а он слушал ее с усталой улыбкой; в руках мужчина держал старый и донельзя потертый портфель. Мгновенно окинув взглядом всю эту картину, достаточно мирную и обыденную, Юлия немного успокоилась и почувствовала, как что-то оледеневшее внутри чуть оттаяло и чуть потеплело.

Зал понемногу заполнялся, всех попросили пересесть поближе к столу, и Юлия повиновалась. В конце концов она оказалась рядом с девушками, почти подростками, которые, как ей показалось, были ровесниками ее детям. Интересно, старше или моложе моей Ксюши, мелькнуло у нее в голове. Юлия по старой и неискоренимой привычке все еще делила всех молодых людей на тех, кто был старше или моложе ее ребят.

Началась лекция о новых лекарственных препаратах. Все, о чем говорила лектор, полная пожилая женщина, профессор медицинского института, практически было уже известно Юлии от ее старинного друга доктора Гены, как она его называла. Именно

он в свое время и сообщил ей о диагнозе — и слава богу, что это был он, потому что Гена помог ей справиться с тем ужасом и безысходностью, которые охватили ее. С тех самых пор Юлия, оглушенная и самим диагнозом, и тем, что случилось позже, находилась в странном состоянии заторможенности, приглушенности всех чувств, которое сама она мысленно с горькой иронией называла анабиозом. Может быть, поэтому доктор Гена и настоял на визите своей пациентки в Клуб — визите, который он гордо именовал «новым выходом в люди».

У женщины-лектора была грамотная речь и прекрасно поставленный голос, и Юлия, не особенно вникая в смысл слов, стала все больше успокаиваться от одного звука ее речи, и доброжелательной и энергичной, бесстрастно освещающей проблему, ставшую в последние полгода для Юлии главным в жизни. До этого она, как и все, разумеется, слышала о СПИДе и о жертвах «чумы двадцатого века», но все эти «ужастики» существовали как бы параллельно ее собственной жизни и никакого отношения лично к ней не имели. Уж она-то, коренная москвичка, счастливая жена и мать семейства, никак не могла отнести себя к группе риска...

Вдруг Юлия поймала себя на том, что не в состоянии ни что-либо записывать, ни сосредоточиться на том, что говорит лектор. Внутренний холод делал ее внимание рассеянным, а мозг — вялым, и она не могла удержать нить мысли. Чтобы хоть чем-то заняться, она исподволь стала разглядывать зал. Вот напряженно, приоткрыв рты в сосредоточенном внимании, слушают профессора девушки рядом с ней. Наивные, усмехну-

лась Юлия, еще на что-то надеются... Вот что-то сосредоточенно строчит в блокноте пожилой мужчина. А вот и сама лектор — профессор Анкудинова; ну, с ней все ясно: специалист, медик, инфекционист, опыт, знание языков... Она в курсе всех новинок фармацевтики, всех современных разработок; она применяет эти новинки на практике и видит результаты. Солидный научный авторитет. Но даже она смотрит на проблему без особого оптимизма. Случаи. Статистика. Возможности ремиссии. Слова умные и ученые. А за ними скрывается страшная истина, точнее, только одно — выхода нет. Нет его, понимаете?!

У Юлии сжалось сердце от безумной тоски. В мгновение ока она лишилась с таким трудом достигнутого равновесия. Боль и отчаяние снова охватили ее, и в который раз за эти месяцы она подумала: а может быть, легче просто закрыть на все глаза и прекратить борьбу?

«Господи, помоги мне», — прошептала она про себя, вспомнив, сколько сил потратил доктор Гена, уговаривая ее посетить Клуб. А сколько сил отняло у нее самой намерение собраться с духом и все-таки прийти в это место. И вот, пожалуйста, опять расстроилась, потеряла весь свой былой природный оптимизм и мысленно хнычет над своей судьбой... — Смилуйся надо мной, господи, не дай мне сдаться. Ничего исправить уже нельзя. Можно только успокоиться и ждать...

Юлия знала, что теперь до конца жизни — до которого, вероятно, совсем недолго — она будет в постоянной борьбе с ВИЧ-инфекцией в своем теле. Хуже было то, что ей уже казалось, будто ужасная болезнь поселилась не только в ее плоти,

но и в душе, в мозгу, в самом ее сознании... «Прекрати немедленно, — мысленно одернула она себя. — Нельзя же замыкаться, сосредоточиваться только на себе. Посмотри: тут сидят люди, такие же, как ты, с той же самой проблемой и еще гораздо моложе тебя — им бы только жить да жить!» А гадкий внутренний голос эгоистично нашептывал: это их счастье, что они моложе; лекарство от СПИДа вряд ли найдут в ближайшее время, и даже если найдут лет через пять, то молодые, быть может, дождутся. А вот ты, если и доживешь, будешь уже такой развалиной, что вряд ли сможешь выдержать тяжелый курс лечения...

«Черт подери, неужели действительно все? — уже в который раз подумала Юлия. — Пожила, повеселилась на этом свете, сходила замуж, родила двоих детей, построила два дома. И все?»

Почему-то именно этой ночью, перед самым походом в Клуб, она поняла, что больна серьезно и безнадежно. Что жизнь уже никогда не будет прежней, веселой и праздничной, по-человечески естественной и понятной, а впереди — больницы, мучения, отчуждение окружающих, всеобщий остракизм и вечная жалость к самой себе — не жизнь, а пытка, сплошные потери. И главная утрата — потеря свободы. Свободы всего — выбора, передвижения. Она — человек с ограниченными жизненными возможностями. А внешне такая же, как и вчера, — все еще красивая, еще легкая, еще живая. К этой мысли привыкнуть невозможно...

Она снова погрузилась в свои горести, уже привычно отчитывая себя за эгоизм: «Какая мешанина, какие глупости у меня в голове и какая я плохая. Грешная, непоследовательная, трус-